

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Разработка серийного оформления
С. Курбатова

Вербинина, Валерия.

В31 Сапфировая королева : [роман] / Валерия Вербинина. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Преступные камни. Лучшие детективы о драгоценностях).

ISBN 978-5-04-099538-7

Южный город взбудоражен: к ним едет ревизор — очаровательная дама из Петербурга, баронесса Амалия Корф. Она ищет похищенные драгоценности императорского дома, но многие считают это лишь предлогом. Особенно волнуется местный король преступного мира Виссарион Хилькевич: он видит в приезде баронессы прямую угрозу своей власти и начинает собственную игру... Хилькевич уверен, что украденного гарнитура давно нет в городе. Однако мошенник, провернувший ловкую аферу с сапфирами и бриллиантами, все еще здесь! Преступник не успел скрыться вовремя, так как влюбился в одну из местных жительниц. Теперь вору, чьи приметы известны каждому городовому, уже не сбежать, но он готов побороться за свою свободу — и свою любовь... Даже если на его пути встанет блистательная Амалия!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вербинина В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099538-7



ГЛАВА 1

Невероятное волнение в приморском городе. — Король дна и его подданные. — Подозрения. — Китаец говорит свое слово, причем не по-китайски.

— Господа, я пригласил вас, чтобы сообщить неприятное известие. К нам едет баронесса Корф!

Произнеся эти слова, Виссарион Хилькевич, в прошлом актер-любитель, выдержал значительную паузу. Он хотел дать присутствующим время осмыслить столь сногшибательное заявление, однако никто из собравшихся в просторной гостиной его особняка даже ухом не повел.

— Кто такая баронесса Корф? — прогудела Розалия Малевич.

Четверть века тому назад Розалия была стройной красавицей, которая с непостижимой легкостью разбивала мужские сердца и давила заостренным каблучком их осколки. Однако с тех пор многое успело перемениться, начиная со стана Розалии и заканчивая ее профессией. Некогда грациозная красавица расплылась и

потучнела, но не утратила деловой хватки, которая когда-то позволяла ей бросать любовника, лишь дочиста обобрав его. Ныне же Розалия заправляла сетью веселых домов, где почтенные отцы семейств вкушали отдохновение после трудов на благо государства и находили убежище от папильоток своих жен. Также ей принадлежали заведения попроще, куда захаживали в основном матросы и пролетарии. Несмотря на то что в славном городе О. все были прекрасно осведомлены о характере ее деятельности, пани Малевич пользовалась среди обывателей уважением, которое не могли поколебать ни ее чрезмерно яркие платья, ни ее еще более яркое прошлое. Сейчас, заполнив собой все громадное кресло, Розалия с мученическим видом обмахивалась веером из разрисованных лебединых перьев, и лицо ее лоснилось от пота.

— Похоже, баронесса не лишена интереса, — заметил сутенер Жорж и улыбнулся.

В жизни Жорж носил заурядную фамилию Аронов, но о ней давно уже позабыли, потому что все жители города О. называли его просто по имени. У этого гладкого, сытого, пустоголового брюнета была одна страсть — он обожал говорить стихами и к месту, а еще чаще не к месту уснащал свою речь рифмами.

Хилькевич не любил Жоржа. Хозяин дома пригласил его исключительно из симпатии к Розалии, души в нем не чаявшей. Жорж был ее помощником в нелегком деле управления борделями — настолько, насколько вообще можно было являться помощником мадам Малевич, которая все стремилась контролировать лично и никого не подпускала к своей власти. Хилькевич знал, что иногда Розалия покрикивает на Жоржа, а порой даже пускает в ход кулаки, если тому случается чем-то ее прогневить. Ее раздражало, что он неумен, и в то же

время она была готова скорее мириться с его глупостью, чем с чужой сообразительностью. Услышав сейчас слова помощника, мадам насмешливо фыркнула.

— Знал я когда-то одну баронессу, — объявил ростовщик Груздь. — Но ее точно звали не Корф. Да и никакая она была не баронесса, по правде говоря.

— А вы, граф? — отнесся Хилькевич к молодому блондину, который развалился на диване, поигрывая тросточкой.

— Признаться, мне неизвестно, о какой особе идет речь, — отозвался тот и с истинно аристократическим презрением поджал узкие губы.

Хилькевич повернулся к его соседу.

— Моя не знай никакой баронесс, — сообщил последний, при ближайшем рассмотрении оказавшийся чистокровным китайцем.

Китайца звали Вань Ли, и в О. он с большим успехом занимался торговлей опиумом. Что же до узкоугобого графа, то в городе Антонин Лукашевский был известен как шулер, шантажист и вообще темная личность, что, впрочем, не мешало ему посещать дворянские клубы и быть вхожим даже в дом полицмейстера. Стоит, однако, отметить, что у полицмейстера было восемь дочерей на выданье, а на безрыбье, как гласит народная мудрость, и сам станешь раком.

— Может быть, хватит разыгрывать тут сцену из «Ревизора»? — желчно заметил старый вор Пятируков. — Виссарион Сергеевич, что еще за баронесса и почему вы собрали нас здесь, чтобы сообщить нам о ее приезде?

— И, между прочим, оторвали от дел! — пропыхтела Розалия.

Хилькевич скользнул взглядом по ее лицу, по которому катились крупные капли пота, по многочислен-

ным подбородкам, которые студенистыми зигзагами спускались даме на грудь, вспомнил, как невыразимо был когда-то в нее влюблен, — и тотчас же отогнал от себя это воспоминание. Потому что, в конце концов, собрал он здесь вышеназванных господ для чрезвычайно серьезного дела.

— Баронесса Корф — известная авантюристка, — объявил хозяин дома.

В водянистых глазах графа Антонина мелькнули искорки интереса. Морщинистое лицо Пятирукова выразило искреннее недоумение. Он знал Хилькевича очень давно и не мог понять, почему тот так беспокоится по поводу какой-то авантюристки, на которую любой из здесь собравшихся легко сумеет найти управу.

— И что же? — спросил Груздь с любопытством. Старый лис предчувствовал занятное продолжение, и интуиция, как всегда, его не обманула.

— Она авантюристка на службе у императора, — пояснил Хилькевич.

В гостиной повисло напряженное молчание.

— Позвольте, то есть как? — вскинулся Жорж. От удивления он даже забыл вставить в речь очередной стишок.

— Обыкновенно, милостивый государь, — отвечал Хилькевич. — Баронесса Корф весьма ловкая и опасная особа, как мне доложили. Завтра она приезжает в наш город с утренним поездом. Губернатор, полицмейстер и прочие высокопоставленные лица уже предупреждены и всю готовятся к ее прибытию.

— А, так вот почему так спешно чинят мостовую возле памятника... — протянула Розалия. — А я-то все гадала, к чему бы это. Царь ведь должен приехать только через три недели! Ну, теперь все ясно!

— И еще цветы на клумбах меняют на свежие, а то

старые совсем завяли, — подал голос самый юный участник собрания.

Хилькевич с неудовольствием оглянулся на него.

— Васька! — угрожающе прошипел Пятируков. — Я тебе!

Племянник Пятирукова, молодой, но уже многообещающий вор Вася по прозвищу Херувим, потупился. Он попал сюда только потому, что дядя пожелал познакомиться его с могущественным Виссарионом Хилькевичем, господином и повелителем всех преступников в городе. Ни один карманник, ни одна проститутка, ни один попрошайка не задерживался в О., если ему не удавалось найти общий язык с этим приземистым, коренастым, благообразным господином с седыми бакенбардами.

Внешность у Хилькевича была самая что ни на есть располагающая, улыбка поражала своим добродушием, а интонации голоса завораживали прямо-таки генеральской величавостью. О нем и в самом деле говорили, что он когда-то воевал, но где именно и с кем, предпочитали умалчивать. В О. он жил уже много лет и как-то незаметно, неприметно подмял под себя все, что копошилось, прозябало, блистало, жирело и нищенствовало на городском дне. Ни одно крупное дело не свершалось без ведома Хилькевича, и когда случалось какое-нибудь громкое преступление и полиция заходила в тупик, ей приходилось обращаться к нему и униженно просить о содействии. Все знали, что его друзья не остаются внакладе, а о его врагах было доподлинно известно, что они долго не живут. В остальном же господин Хилькевич был весьма приятный человек, хлебосольный хозяин и безупречный гражданин.

Женой его была единственная дочь богатого купца, на которой он женился в сорок лет по любви — к ее

деньгам, разумеется, но отчасти и к ней самой. Так как жена не задержалась в этом мире, Хилькевич остался вдовцом и жил в одиночестве в своем большом красивом доме, который охраняли угрюмые слуги из числа преданных ему людей. То обстоятельство, что Виссарион Сергеевич, который мог позволить себе едва ли не любую женщину в О., решил хранить верность умершей супруге, немало озадачило городских сплетников. В их представлении глава преступного мира должен пить, как рыба, кутить и озорничать напрапалую, однако Хилькевич был вовсе не таков.

Он был известен в О. своим воздержанным нравом и скромным образом жизни — притом, что все сии достоинства качества вовсе не мешали ему жестоко разделяться с теми, кто имел несчастье посягать на его власть. Кроме того, он не терпел, когда обманывали совсем уж беззащитных людей, детей и стариков, и полицмейстер де Ланжере никогда не упускал случая рассказать в обществе историю о Хилькевиче и некоем жулике, выманившем у доверчивого ребенка рубль, который мать подарила ему на день рождения. Хилькевич знал эту семью — он всегда все знал! — был в курсе, что мать надрывается на трех работах, чтобы вывести единственного сына в люди, и ему не понравился поступок жулика, как не понравилось и то, что тот похвалялся, сколь легко обвел вокруг пальца наивного мальчонку. На следующее утро представительный полицейский принес матери рубль, объявив, что злодей был пойман и сознался в содеянном, а чуть позже жулика обнаружили в версте от города, избитого до полусмерти. Кто именно его так отделал, навсегда осталось загадкой для правосудия, но только не для сплетников, восхищенных великодушием короля воров, а еще более тем, что оно не принесло ему равным счетом никакой выгоды.

Однако в большинстве случаев Хилькевич, когда

ему приходилось действовать решительно, руководствовался куда более прозаическими мотивами. И тот же красавец де Ланжере, потомок французских эмигрантов, что при императоре Павле Петровиче обосновались в городе, мог поведать немало историй о ворах, которые покидали О. со сломанными пальцами и ненавистью в душе, об убийцах, которых находили в канавах с пробитыми головами, и о внезапных исчезновениях людей, которые по каким-либо причинам сделались неуютны улыбчивому Виссариону Сергеевичу. И де Ланжере отлично знал, что стояло за этими исчезновениями, и все в городе знали, но — ничего не могли поделать. Для проформы губернатор отряжал следователя Половникова к Хилькевичу, и тот принимал гостя на террасе дома, обращенной к морю, вздыхал, уверяя, что он тут ни при чем, и одновременно бросал крошки голубям. Из всех живых существ Хилькевичу больше всего нравились птицы — может быть, потому, что они были вольны летать и отрываться от постылой земли, а может быть, потому, что когда-то в далекой юности — настолько далекой, что даже де Ланжере не смог ничего о ней пронюхать, — король дна промышлял их продажей. И Половников, которому даже не предлагали сесть, кланялся, вздыхал, извинялся, что отнял время у столь почтенного человека, и семенял обратно к себе — писать бумагу по поводу обнаружения очередного мертвого тела, принадлежащего неизвестному лицу.

За много лет, в продолжение которых Хилькевич не без успеха управлял своим двором чудес, его по-настоящему никто не осмелился побеспокоить. Столичные сыщики были далеко, у московских хватало своих дел, а с местными властями он ладил отлично. Однако теперь приезд неведомой баронессы Корф вселял в него смутную тревогу. Он успел уже кое-что разузнать о ней, и то, что разузнал, ему не слишком понравилось. Висса-

рион Сергеевич был готов смириться с тем, что она красавица, разведена и склонна к различного рода приключениям, но то, что баронесса умна, бесстрашна и никогда не отступалась от намеченной цели, устраивало его куда меньше. Хуже всего, впрочем, была причина, по которой она должна была вскоре оказаться в О. Причина эта представлялась многоопытному Хилькевичу не то что надуманной, а крайне неубедительной, и в глубине души он не сомневался, что на самом деле баронесса явилась за его головой.

— Столько шума из-за какой-то вертихвостки... — проворчал ростовщик Груздь.

— Много шума из ничего, но мы ведь не знаем всего, — вставил Жорж. — Не так ли?

Вася Херувим чихнул и сделал движение, чтобы вытереть нос, но натолкнулся на свирепый взгляд своего дяди, съезжился и обхватил себя руками.

— Виссарион! — плачущим голосом воззвала Розалия. — А правда, зачем она к нам едет?

— Из-за некоего Валевского, — ответил Хилькевич.

Граф Антонин Лукашевский вскинул бровь и разом сделался как две капли воды похож на своего предка-короля, который интересовался звездами и поэзией, а в перерыве между означенными увлечениями отравил двух или трех жен, имевших несчастье не разделять его вкусов.

— Позвольте! Вы имеете в виду Леонарда Валевского? Того, который называет себя Леон Валевский?

— У, этот молодчик мне известен, — беззлобно вставил Пятируков. — В своем деле он дока!

— Mais certainement¹, вы же с ним коллеги, насколько я помню, — кисло заметил граф.

— Нет, — твердо ответил Пятируков, — наши амп-

¹ Ну конечно (*франц.*).

луа разные, Антонин Карлович. Он скорее по сейфам специалист, а я больше с людьми привык работать.

— По сейфам он специалист или по чему еще, — вмешался Груздь, — но, право же, просто смешно! Прежде всего потому, что Валевский не наш, он в Варшаве промышленяет, а у нас тут, между прочим, не Польша!¹

И он победно поглядел на китайца, который, как всегда, улыбался, сохраняя совершенно невозмутимый вид.

— В Варшаве или не в Варшаве — дело десятое, — фыркнула Розалия. — Я не могу понять, зачем он вообще мог им понадобиться!

— Кажется, он опять сбежал из тюрьмы, — нерешительно заметил Жорж. — Я читал в газетах.

— Он уже раз пять сбегал из тюрем, — отмахнулась Розалия. — Нет, тут что-то не так!

Хилькевич кашлянул и сообщил:

— Он украл драгоценности Агаты Дрейпер.

— Что? — изумился граф.

— Знаменитую парюру², которую подарил ей великий князь Владимир, — пояснил хозяин дома. — В поезде на Варшавско-Венской дороге. Как это ему удалось, до сих пор не могут понять. Горничную на всякий случай арестовали, но она ни в чем не созналась. Говорят, что на одни бриллианты, из которых сделана парюра, можно купить половину нашего города, а ведь там не только бриллианты были.

— Агата Дрейпер — знаменитая танцовщица? — довольно сухо спросила Розалия, повода необъятным

¹ Польша в описанное время входила в состав Российской империи. (Здесь и далее примечания автора.)

² Набор украшений, созданных в одном стиле (выражение XIX века).

бюстом. Как и все бывшие красавицы, она от души ненавидела красавиц настоящего.

— Да какая там танцовщица... — проворчал Груздь и вслед за тем весьма колоритно обозначил истинный род занятий мадемуазель Дрейпер.

Агафон Пятируков сосредоточенно размышлял, шевеля морщинами.

— То есть драгоценности пропали, свистнул их Валеvский, а драгоценности — подарок великого князя, стоят черт знает сколько, и поэтому столичную даму прислали сюда искать Валеvского, у которого они должны быть, — подытожил он. — Я правильно понял?

— Ну да, — кивнул Хилькевич. — Все верно, за исключением того, что Валеvского в нашем городе нет и быть не может, и искать его тут совершенно бессмысленно. Так что зачем баронесса Корф на самом деле направляется сюда — большой-большой вопрос.

Вася Херувим затаил дыхание, потому что ему снова до ужаса хотелось чихнуть, но он понимал, что если сейчас, в это мгновение, нарушит торжественность момента неуместным чихом, то не видать ему теплого местечка в славном городе О. как своих ушей. Или, допустим, лопаток. Юноша надул щеки, покраснел, стал тереть нос и...

— Аааапчхи!

Сутенер подскочил на месте. Розалия недовольно всколыхнулась.

— Будьте здоровы, Вань Ли, — сказал Груздь с тонкой улыбкой немолодого человека, который сам давно нездоров и отлично знает цену истинному здоровью.

— Сипасиба, — отозвался китаец, который только что чихнул. Он поймал недовольный взгляд Хилькевича и заулыбался. — А почему ви говорили, что Валеvский нет в голод? Он ведь тут есть, да?

— То есть как? — пролепетала Розалия, покрываясь пятнами.

И тут Хилькевич допустил промах (положим, не непростительный промах, за который платишь жизнью, но промах, за который он еще долго будет себя корить после окончания беседы) — позволил себе показать, что не знает чего-то, что ведомо его подчиненным.

— Что? — прошептал он. — Но как... Вы о чем, Вань Ли?

Китаец, в свою очередь, так удивился, что даже улыбаться перестал.

— Ви не знать? Виссалион! Ведь Валевский зедесь, да! Я его видела в госитиница «Евлопейский». Навелное, он там и плозивает, как вы думаете? И что тепеля ви намелена пледплинять?

ГЛАВА 2

Наполеон и Рабинович. — Преимущества, которые дает человеку стискивание горла его ближнего. — Неудобства, которыми сопровождается недостаточное стискивание горла. — Угрозы.

Карета графа Лукашевского в облаке пыли лихо промчалась по улице Босолей и свернула на площадь. Возле памятника французскому герцогу, который был здесь первым губернатором и первым же открыл, что О. не деревня и не географическое недоразумение, а город, и посему был весьма почитаем в здешних краях, экипаж графа едва не задел рабочего, который доделывал мостовую, после чего кучер услышал в свой адрес несколько весьма интересных слов. Впрочем, кучер тоже знал разные слова, как интересные, так и очень ин-